

«ОЙ, ЧТО ВИЖУ! ОЙ, ЧТО СЛЫШУ! ОЙ, ЧТО САМ-ТО ГОВОРЮ!..»*

Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. — 364 с.

Период отечественной истории, получивший название «перестройка», все больше привлекает к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Достаточно широко научная и политическая общественность отметила в 2005 г. 20-летие с начала перестройки в СССР. В юбилейном докладе Горбачев-Фонда «Перестройка: двадцать лет спустя» отмечено, что «история не знает сослагательного наклонения: перестройка вписана в нее как смелая попытка решительного перехода от модели “государственно-бюрократического социализма” к подлинно демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству. Этот ее потенциал еще далеко не исчерпан, он может быть востребован и нашей страной, и человечеством. Пройденный за 20 лет путь позволяет сегодня взглянуть на перестройку более взвешенно и объективно»¹.

Все больше исследователей определяют процессы, происходившие в 80–90-е гг. в истории СССР, затем современной России, как революцию. «Что случилось в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг. XX в.?» — задается вопросом историк Р. Г. Пихоя. «Революция. Революция, если под ней понимать радикальное изменение основ политического, экономического, социального строя, перемену основ государствен-

* Из песни Ю. Кима «Историческая перестроечная».

ности»². Такой подход к событиям в условиях перестройки привел к более глубокому и объективному изучению событий и процессов в политической, экономической, социальной, идеологической областях, в сфере национальных отношений и внешней политике. Об этом свидетельствует историографический анализ современных изданий по данному периоду³. Изучение современной литературы, к сожалению, показывает, что в исследованиях по перестройке отсутствует человек, его отношение к происходящему революционному процессу, описание его поведения, быта, меняющейся ментальности.

Если дать анализ современным историческим работам, то заметна тенденция применения антропологического подхода при освещении различных периодов отечественной истории. Например, в материалах, посвященных 90-летию Февральской революции в России, привлекает внимание статья О. С. Поршневой «Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917 г.: достижения и перспективы». Можно лишь согласиться с автором, что «человек как действующее лицо истории, социальный актер, носитель определенной политической культуры, менталитета, массовое сознание эпохи революции, поведенческие практики различных слоев населения — эти и другие проблемы антропологически-ориентированной истории стали рассматриваться как ключевые для понимания феномена революционного кризиса...»⁴. Первые шаги в освоении антропологического подхода в изучении периода 80–90-х гг. XX в. делают отечественные историки, политологи, социологи⁵. Зарубежные исследователи в этой области работают более активно⁶, создав определенные методологические и методические подходы, накопив соответствующий опыт. Изучение этих работ показывает, что зарубежных коллег просто притягивает советский человек в условиях перестройки и постсоветского периода.

Изучением «экзотики перестроечной России» энергично занимается американский антрополог Нэнси Рис, которая, сочетая социологическую, историческую, антропологическую компетентность и эмоциональный стиль, описывает повседневную жизнь перестроечной Москвы и других регионов СССР. Первые ее работы появились в российских журналах в середине 90-х гг. XX в. В 1997 г. в Лондоне вышла ее книга «Russian talk» о советском человеке в годы перестройки. Эта книга была переведена на русский язык и увидела свет в России в 2005 г. Она вызвала неподдельный интерес как у западных славистов, так и у российских гуманитариев.

Книга состоит из четырех глав, каждая из которых раскрывает различные аспекты поведения советского человека в условиях перестроечного времени. В своей работе Нэнси Рис раскрывает свою «методологическую и методическую кухню», подробно описав, как шел процесс сбора материала, его систематизации, обработки. На наш взгляд, это чрезвычайно важно как для молодых отечественных исследователей, так и для маститых.

Работа американского антрополога представляет интерес для филологов и культурологов, так как содержит обширный материал по изучению языковой культуры 80–90-х гг. XX в., культурных пристрастий, эстетических ощущений советского человека. Представления о советской действительности человека периода перестройки, его настроение и ментальность, описанные в работе Нэнси Рис, без сомнения, привлекут к ней внимание историков, социологов и философов. Отстраненность автора от советской действительности, взгляд со стороны одновременно

делают данное научное исследование важным источником по изучению отечественной истории конца XX в., как это произошло в свое время с «Записками о Московии» С. Герберштейна, с записями Л. Я. Гинзбург и т. д.

Во введении, как было уже отмечено, Н. Рис рассуждает о важности и необходимости антропологического метода для более объективной оценки исторического процесса. Она дает характеристику всем социальным группам, представители которых были взяты как объекты научного эксперимента. Для чистоты научного исследования ей пришлось общаться с разными людьми — от «главы местной криминальной группы в Ярославле, до научных сотрудников столичных университетов». Как она отмечает, «таким образом, я прошла через множество социальных сфер и личных связей самых различных моих знакомых»⁷. Она выделяет группы по половому признаку (в книге большой материал отводится женским и мужским разговорам), национальному, профессиональному. Удивляет профессионализм исследователя, который очень тактично, но твердо заставляет говорить человека на интересующие его темы, отвечать на свои вопросы.

Для своего исследования Н. Рис взяла необычный, оригинальный материал — разговор. Она объясняет это тем, что «рассказы, истории, анекдоты, шутки, сетования, которые можно было слышать в Москве в годы перестройки, являлись не только и не просто реакцией на текущие события; они были... типичны и поэтому составляли существенный элемент самих событий. Г о в о р е н и е — во всех видах и формах — есть ключевая составляющая производства социальных парадигм и практики, и воспроизводства того, что часто называют “русскостью”»⁸. Если в других обществах на первый план выходят иные виды практики, например, обмен ценными объектами или их разрушение, демонстративное потребление, участие в ритуалах и проч., то в России доминирующей областью производства ценностей, безусловно, является речь во всех ее формах и проявлениях⁹.

Разговор, речь, как отмечают зарубежные и отечественные исследователи, действительно всегда занимала большое место в жизни населения нашей страны, мы привыкли проговаривать свои планы на будущее, свои эмоции, отношение к власти и т. д. Воспоминания о годах перестройки подтверждают, что в условиях начавшейся гласности разговоры стали эмоциональными, яркими, более открытыми, насыщенными энергией. Людям хотелось высказаться, быть услышанными и понятыми. Разговоры отразили отношение людей к власти, к происходящим переменам, к прошлому и настоящему. Слушая людей, Н. Рис отметила интересный момент — единообразие речевой практики как следствие политики Советского государства и партии. Речь больше всего определялась образованием, а не этнической, социальной, религиозной принадлежностью. Рассказы московской армянки были идентичны рассказам русских, представителей других национальностей.

В главе 1 «Российская “речевая действительность” в эпоху перестройки» на основе анализа собранного речевого материала Н. Рис делает вывод о том, что в этот исторический период население СССР «боролось за выживание под обломками государственной системы». Раздававшиеся повсеместно речи выдавали «недоумения по поводу того, что перестройка приносит результаты, противоположные ожидаемым. Вместо изобилия товаров — тотальный дефицит, вместо высокопроизводительного труда — забастовки, вместо стабильности — межнациональные и социальные конфликты»¹⁰. Разговоры людей отражали трагизм ситуации, неверие

партийным лидерам, которые не сумели предложить положительную стратегию реформ.

Описывая сложность политической, социально-экономической ситуации в СССР, автор книги отмечает, что люди не жалели слов и красок, живописуя свои разочарования и опасения, как будто соревновались друг с другом в этом. «Кругом только и говорили, что о социальных катаклизмах и собственной беспомощности, и мне никак не удавалось направить мысли своих собеседников на поиски конструктивных, с моей точки зрения, способов преодоления трудностей текущего момента и внушить им более светлый образ грядущего»¹¹. Громче всех жаловались москвичи, которые ранее не переживали таких трудностей, знакомых уже давно остальным жителям страны. Н. Рис и другие исследователи считают, что часть интеллигенции и некоторые средства массовой информации внесли свой вклад в распространение в обществе панических настроений, создание ощущения приближения катастрофы.

Рассказывая о себе, как правило, люди воспроизводят ценностные представления о жизни, стране, власти, формируют ориентиры на будущее. Явление, которое удивляло всех зарубежных исследователей, заключалось в том, что в условиях развала в целом население страны демонстрировало высокий уровень образованности, включая в свою речь яркие примеры из литературы, стихи, пословицы и поговорки. Как отметил Пьер Бурдьё, даже сталинская тоталитарная культура не смогла вытеснить собой или вытравить традиционную русскую культуру, потому что сама была скроена, насквозь прошита и сформирована этой самой культурой¹².

Российского читателя данной книги вряд ли сильно удивит вывод автора о том, что ключевым словом в перестроечных разговорах было сакральное понятие «народ». В этот период народ воспринимался как противоположность партийно-государственной верхушки, появившимся кооператорам, нуворишам. И хотя различные социальные группы вкладывали в понятие «народ» свой определенный смысл, «народ» в сознании людей был высшим достоянием страны, носителем души. Рассказы о загадочной русской душе времен перестройки занимают в книге Н. Рис особое место. Она отмечает, что «русские считают, что у них душа есть, тогда как у других народов ее наличие сомнительно; русские обладают душой, потому что они нравственны»¹³, что народ выживет в любых условиях, если сохранит свою душу.

Отражение советской действительности 80–90-х гг. XX в. в разговорах людей составило основное содержание последующих глав книги Н. Рис: гл. 2 — «Наша сказочная жизнь: повествовательные образы России, ее женщин и мужчин»; гл. 3 — «Литании и ламентации: дискурсивное искусство страдания»; гл. 4 — «Мистическая бедность и лишения, заключающие в себе награду». Прежде всего анализ содержания разговоров подтверждает восприятие людьми происходящих в стране событий как полный развал, разруху, распад, крушение. Каждый разговор, как отмечает автор, заканчивался мрачным вопросом: «Куда мы катимся?», после чего говоривший начинал разворачивать захватывающе-жуткие сценарии дальнейшего распада страны¹⁴. В конце 1980-х гг. средства массовой информации как безумные соревновались в показе тех самых ужасов, которые и были сердцевиной жанра «полная разруха». Любимой темой в разговорах о перестройке были магазины, так как страну охватил дефицит всего и вся. Изучение подобных сюжетов помогает осознать, что представления партийных руководителей, в том числе и М. С. Горба-

чева, об изменениях в стране в связи с перестройкой в корне отличались от представлений о ней основной массы населения страны.

На фоне всеобщего дефицита товаров, продовольствия, услуг самыми распространенными становятся рассказы о героических походах в магазины, долгом стоянии в очередях. Слово «купить» заменяется словом «достать», сама покупка чего-либо становится своеобразным подвигом. Повествования о посещении магазина больше напоминали русские сказания: после перенесенных страданий и трудностей герой с триумфом возвращался домой. Сегодня многим уже трудно представить, какое количество времени «съедало» стояние в очередях, насколько отрицательно оно сказывалось на психологическом состоянии человека и общества. В годы перестройки сложился даже своеобразный «героический эпос» очереди, в котором речь шла о «магазинных потасовках», хитрости и удачном приобретении товара, товарищеской взаимопомощи и т. д.¹⁵

Описывая советскую повседневность времен эпохи перестройки, Н. Рис не могла обойти вниманием особую роль и место женщин в этих условиях. С ней трудно не согласиться, что «основную нагрузку несли женщины». «Русская женщина, идя в магазин, думает о доме, о семье, о муже, а уж в последнюю очередь о себе»¹⁶. Действительно, иностранцы восхищались гостеприимством и кулинарными способностями советских женщин, но с трудом представляли себе, чего это стоило нашим женщинам. На наш взгляд, до сих пор нет серьезной исследовательской работы, посвященной женскому вопросу в условиях перестройки, а также современному положению тех женщин, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть выживания в 80–90-е гг. XX в.

Следуя российской ментальности, особенно в условиях кризиса, в обществе шел поиск нового врага, что также отражалось в обыденных разговорах. По ним можно судить, как в обществе нарастали неприязнь и зависть к кооператорам, удачливым и состоятельным людям, к числу которых относились и партийные работники различного уровня. Более заметными, с одной стороны, становятся агрессивность и раздражительность людей, а с другой, наблюдается рост хвастливых разговоров, удалства, хулиганских выходок. Привычной становится героика пьянства, которая получила новую жизнь на экранах кинотеатров, страницах литературных произведений (достаточно вспомнить роман В. Ерофеева «Москва – Петушки»). Автор считает, что обещанное перестройкой счастье не удалось, но «вместо дисциплины, высокой производительности труда и экономического рационализма европейского толка стали воспевать глубинное непослушание во всех его формах: пьянство, половую распущенность, азартные игры и жесткость»¹⁷.

Третья глава начинается пронизательными словами американского антрополога: «Мне представляется, что в годы перестройки дискурсивный жанр, названный мною “литанией”, занимал особое положение в русском разговоре»¹⁸. Вся глава посвящена жалобам и страданиям (вся Москва того времени просто гудела литаниями). С одной стороны, разговорные литании приближались к традиционному русскому плачу, с другой — они становились в годы перестройки обязательным ритуалом. Автор книги, анализируя содержание жалоб, разделяет их по группам: антисоветские (виноваты советская власть, Сталин, Ленин, КГБ и т. д.); просоветские или антиперестроечные (Горбачев разрушает страну, иностранцы разворовывают все и т. д.); русофильские (никто не любит русских, многострадальный русский народ и т. д.). Во всех группах присутствует момент поиска виновного в

бедственном положении отдельной социальной группы, народа, страны. Также отмечается то, что ключевой темой всех литаний является обязательное указание на существовавшее могущество государства, власти, армии. Сама разговорная жалоба постепенно превратилась в своего рода ритуальное заклинание, мольбу об избавлении от дурных российских неурядиц, бед и пустых полок. Действительно, до сих пор российскому человеку легче пожаловаться, чем сказать, что у него все хорошо.

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение автора книги над тем, что страдания, облагороженные речью, приобрели в нашей стране ореол святости. «В России духовные достоинства всегда ассоциировались с трудностями и бедностью...»¹⁹, и как это не больно для русского самолюбия, в годы перестройки появился особый «язык боли», который и служил утверждению в сознании людей «мистической бедности». Практическая деятельность, активная политическая позиция часто заменялись в годы перестройки обменом страданий. «Российская интеллигенция расточала похвалы народному терпению, романтизировала страдания народа и, в общем, развивала образ добродетельного бедняка. Лишения, унижения, жестокое обращение, нищета, притеснения со стороны “другого мира”, страдания, нередко причиняемые деспотичным, абсурдным и непредсказуемым применением закона и власти, — таков был контекст существования русского крестьянина»²⁰, а затем и всего народа. Нужно отметить, что эмоциональная глава книги о бедности и лишениях советского народа пронизана сочувствием и состраданием автора.

В своем исследовании Н Рис не выделяет отдельной главы, посвященной мифам перестройки, но предоставляет богатый фактический материал для анализа этого явления. Ситуации, подобные перестройке, связанные с историческими переломами, войнами, революциями, особенно активно порождают мифологизированное массовое сознание. В это время стремительно рушатся старые мифы, происходит их замена на новые, часто прямо противоположные. Так, в годы перестройки были созданы утопические образы Запада, рыночные отношения рассматривались как панацея от всех бед плановой экономики, утопические картинки западного образа жизни захлестнули советских людей, которые возмечтали разбогатеть в одночасье.

Изменения, которые происходили в обществе, экономике, сознании людей в эти годы, привели к выработке новых ритуалов, что также отразилось в разговорном общении людей. Так, в стране появились новые политические ритуалы: проведение митингов, демонстраций. Любопытным, с позиции историка, является сюжет о ритуальном обновлении архаических форм²¹. Новое антисоветское мышление и поведение становится идентичным понятию «дореволюционный», прежде всего это хорошо было видно по массовому выходу из КПСС и по заявлению людей о своей религиозности. Деятели образования, вставшие перед фактом отказа государства от коммунистической идеологии в школе, немедленно и с большим энтузиазмом заменили ее новой, с упором на религиозные ценности и ритуалы. Начинается кампания по возвращению женщины к «ее естественной роли жены и матери», по пропаганде идей патриархальных отношений как основы нравственности в семье и обществе.

Такая быстрая смена идеологической парадигмы привела к тому, что на смену гипнотической силе КПСС пришла новая форма фетишизации власти. Перед тысячными аудиториями появились новоявленные гипнотезеры и «целители душ», такие как Кашпировский, Чумак и др. Граница между мистицизмом и политикой

в годы перестройки оказалась незаметной. Н. Рис считает, что даже такой человек, как А. Д. Сахаров, «попал в это царство магии». Его похороны оказались массовым ритуалом сознательного прославления ценностей демократии и прав человека.

Научное исследование Н. Рис является настолько многоплановым, многосюжетным, что его анализ — дело непростое, особенно в сжатом виде. Без сомнения, публикация ее книги на русском языке стала заметным явлением в отечественной гуманитарной науке. Современные ученые давно и часто цитируют работы Н. Рис, на нее принято ссылаться как на научный авторитет в области изучения поведения человека в различных исторических ситуациях. Можно не сомневаться, что книга Н. Рис «Русские разговоры» найдет своего доброжелательного, заинтересованного читателя, который не упустит момента посмотреть на себя как бы со стороны, разобраться в поведении человека эпохи перестройки.

¹ Перестройка: двадцать лет спустя: (Докл. Горбачев-Фонда). М., 2005. С. 2.

² *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М., 2007. С. 533.

³ Подробнее см.: *Заболотный Е. Б., Камынин В. Д.* Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004.

⁴ *Поршнева О. С.* Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917 г.: достижения и перспективы // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Екатеринбург, 2007. С. 27.

⁵ Подробнее см.: *Бородатова А. А., Абрамян Л. А.* Август 1991: праздник, не успевший развернуться // Этногр. обозрение. 1992. № 3; *Истомин А. А.* Революция, которая была праздником // Там же; и др..

⁶ См.: *Рис Н.* Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 344–359.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ См.: Там же. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² См.: Там же. С. 57.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ См.: Там же. С. 95.

¹⁵ См.: Там же. С. 120–121.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 159.

¹⁹ Там же. С. 226–227.

²⁰ Там же. С. 271.

²¹ См.: Там же. С. 302–310.

Л. Я. Баранова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры религиоведения России и стран СНГ
факультета международных отношений
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Материал поступил в редакцию 21.01.2008 г.